

КЛУБНЫЕ ВСТРЕЧИ

“Песню о встречном” предлагали сделать гимном ООН

Встр. клуб. - 2001. - 5.01. - 97.

Ирина Антонова:

Я МЕЧТАЛА СТАТЬ АРТИСТКОЙ ЦИРКА

Не всякий музей мирового уровня имеет начальством воплощенное достоинство. Оно даже в той легкости, с которой директор ГМИИ имени Пушкина поднимается по бесконечной лестнице в Белый зал на «Декабрьские вечера». На пресс-конференциях Антонова, по нынешним меркам, излишне суха и деловита. Но на встрече с журналистами «ВК» предстала совсем иной.

Муж больше, чем все на свете

— Ирина Александровна, вас, как и английскую королеву, невозможно представить себе в джинсах. Вы когда-нибудь их носите?

— У меня никогда не было джинсов, но брюки я ношу.

— И в музее тоже?

— В музее нет. Как-то не хочется.

— Вы работаете в музее очень давно, с послевоенного времени. Какой вы пришли туда и какой вы стали сейчас?

— Если быть точной, я пришла в музей 10 апреля 45-го года, за месяц до конца войны. До того, как стать директором, я проработала здесь 16 лет.

— И всегда были такой дисциплинированной?

— Всегда. Я как-то не умела опаздывать. Или вот не могу выбросить завалившийся транспортный билетик. Просто меня так научили, что нельзя ничего бросать на землю.

Когда мне предложили стать директором, заместителем директора по научной части был Борис Робертович Виппер, а главным хранителем работал Андрей Александрович Губер, очень крупные ученые. И я спросила у них: «Как же я могу быть вашим директором, когда я у вас учусь?!» Они мне сказали: «Можете, можете! Ну, подытайтесь». Это очень обнадеживало. Кроме того, Губер сказал мне самое главное: «Не становитесь мизантропом и не злейте». Мизантропом я ни в коем случае не сделалась, а злейте, конечно, стала больше. Раньше я была более терпима.

— Некоторое время назад вас упорно прочили на пост министра культуры.

— Знаете, пару раз предварительные разговоры со мной заводили. Но каждый должен соизмерять свои силы. Скажем, командовать полком я могу, а дивизию нет. Но, надо сказать, я сама до сих пор до конца понять не могу: как это я навсегда осталась на одном месте? Это совсем не в моем характере! Так же, как не в моем духе — один муж на всю жизнь. У меня, наверное, огромное количество недостатков, но вот преданность и верность — как у собаки.

— Кто ваш муж, Ирина Александровна?

— Мой муж руководит отделом в Институте искусствоведения. Он замечательный искусствовед, Евсей Иоисович Ротенберг. Очень замкнутый, совсем не светский, почти нигде не появляющийся. Просто такая натура. Замечательный человек, который дал мне больше, чем университет, аспирантура и все на свете. Собственно, если я смею думать, что к немножко понимаю в моем предмете, то это прежде всего благодаря ему.

Фурцева приперла меня к стенке

— Руководство единственным столичным музеем западного искусства в советское время предлагало идеологическую беспорочность...

— Начнем с того, что я не была диссидентом. Но моя позиция ни в коем случае не совпадала с официальной. Она совпадала с позицией очень многих людей, которые меня окружали. И за тот огромный период, пока я работаю директором, были акции не совсем обычные.

Ну вот, скажем, выставка Фернана Леже в 1963 году. А выставка Тышлера? Вам, молодым, сейчас просто не понять, что она значила в 1966-м. Помню, как Фурцева приперла меня в Колонном зале Дома союзов к стенке (я даже помню это место): «Что вы делаете! Вы меня сорвете с советской интеллигентней!» В этот момент подошел Борис Иогансон, обнял ее за плечи и сказал: «Катя, Ирина Александровна не сорвет тебя с советской интеллигентней! Тышлер — хороший художник». Она в ответ: «Да? А мне-то говоришь...»

А когда мы в начале 60-х первый раз повесили Матисса, в музей пришел скульптор Маннгер, посмотрел и сказал: «Ну, все это мы, конечно, снимаем в самое ближайшее время».

Я очень хорошо запомнила 1974 год. Исполнилось 50 лет картинной галерее музея. Я напомню, что до 1924 года мы были музеем слепков, в 1924-м получили картины из Эрмитажа, а в 1948-м — драгоценную коллекцию французских художников конца XIX — начала XX века. Куда ее девать? И мы решили про-

Фото Игоря ИВАНЦОВА

известии революцию в полном смысле слова: освободить от слепков практически половину второго этажа.

Что тут началось! Была такая газетенка «Московский художник», где было напечатано, что Антонова ходит по залам и палкой сбивает гипсовые слепки ради того, чтобы показать формалистическое искусство. Пошла настоящая травля, которая увенчалась заседанием в ЦК партии у Шауро. Против меня выступала вся Академия художеств. Тогда, в 1974-м, я даже подавала заявление об уходе. Потому что не могла сломать сам замысел. Тогда мне больше незачем было бы здесь работать.

С Брежневым мимо Малевича

— Выставка «Москва — Париж» тоже стоила нервов?

— В 1981 году все откатились ее принять! Я помню совещание в Академии художеств, где Третьяковская заявила: «Только через наш труп!» А я тогда сказала, что трупов в нашем музее не будет, и мы сделаем эту выставку. Но во время монтажа каждый день приезжала комиссия из Министерства культуры и ЦК: «Баланс соблюден? Формалисты, реалисты?.. Слишком много повесили Делоне и вон того...» И когда ко мне подбегала какая-нибудь из моих сотрудниц и умоляла: «Ну, как же так? Обязательно нужно еще одного Штеренберга!», я посылала ее к черту, потому что понимала, что еще немножко — и все это просто возьмут и закроют. Вся эпопея кончилась тем, что в последний день на выставку «Москва — Париж» пришло все Политбюро во главе с Леонидом Ильичем. Секретарь ЦК Пономарев меня тогда четко предупредил: Филонова не показывайте, у Малевича не останавивайтесь... Тем не менее, Брежнев все посмотрел, все равно же мимо них шли. Но когда он в Белом зале увидел «Ленина на трибуне» Герасимова — он так обрадовался знаковой картине! Ему ступил принесили, он сел.

— А вас, конечно, смех разбавляет.

— Я вообще не смею над публичкой. Кто-то на выставке «Сокровища Туханхамона» спрашивал: «Де тут бордатая женщина?» И, не найдя ее, разочаровывалась. А иногда девушки, увидав большого микеланджеловского Давида, хихикают, лицо прикрывают. Мало ли кто с каким багажом приходит на выставку!.. Это во мне просветительский дух говорит. Сноб в музее работать не может.

Мадонна под водочку

— Кто из высших руководителей на вашей памяти был самым сведущим в искусстве?

— Катусhev приходил не с делегациями, а с семьей в выходные дни. Леонид Ильич был один раз. Хрущев — тоже один раз, перед отправкой в Германию картин Дрезденской галереи. Несколько раз приходил Михаил Сергеевич, и очень часто — Раиса Максимовна. Она приволила своих гостей, высокопоставленных дам. И что меня в ней очень трогало — она специально готовилась. Когда мы сделали выставку Сальвадора Дали, Раиса Максимовна так здорово подготовилась, что, когда я начала что-то рассказывать, она перехватывала инициативу.

Кто спасет Тициана

— Ценится ли русская школа реставрации?

— Достаточно сказать, что в музее много лет работал Павел Дмитриевич Корин. Когда пришли картины Дрезденской галереи, «Динарий кесаря» Тициана был в ужасном состоянии, живопись на дереве вся взбухла от сырости, картина гнила. Павел Дмитриевич сушил дерево несколько лет. Когда все пришло в норму, он убрал красочный слой и ничего не дописывал!

Но у нас вообще золотые руки есть в музее. Взять хотя бы последний случай. Итальянцы сейчас прислали «Венеру Урбинскую» Тициана. А к ней — изумительное неблужущее стекло, весит ровно двести килограммов. И бумажку, в которой написано: расстояние от полотна — 26 сантиметров. А арматуры — никакой! Наши очень трудились, чтобы укрепить стекло. Когда они закончили работу, я даже переспросила: «Вы поставили?» У нас есть несколько человек в музее, которые занимаются таким ручным ремеслом. Уникальные люди.

Гогенами не трогаем

— Недавно вышла книжка «Проданные сокровища России». Продавали ли при вас какие-нибудь музейные вещи за границу?

— Никогда. Даже вопрос такой не ставился. Бывало, что экономисты или финансисты «советовали»: вам не хватает на ремонт, а у вас же столько Гогенов, вот и продайте одного...

— Были в вашем музее кражи?

— Были. Была ужасная кража то ли в 31-м, то ли в 32-м году — «Несение креста» Тициана. Картину нашли, но поскольку она лежала в сыром месте, то фактически погибла.

— А при вас?

— При мне тоже была шумная кража, по ней даже фильм сделали («Похищение святого Луки»). Это была ранняя картина Франса Хальса из одесского музея. Ее нам привезли на выставку, она висела на колоннаде музея. Украли ее в выходной день, наш же реставратор. Вырезал ее. От своего вора, как говорят, не убежешься. Кто же знал, что свой реставратор украдет? Ему дали десять лет. Он написал мне письмо. На процессе говорил всякие слова раскаяния. В общем, симпатичный парень. Но десять лет отсидел.

Как уплыл Модильяни

— Новые экспонаты музей приобретает?

— Мы много покупаем. Но практически не участвуем в зарубежных аукционах — Кристи, Сотбис. По тем ценам мы покупать не можем. Но вот хотя бы одна история, когда мне в Париже предложили купить картину Модильяни. У нас же вообще нет Модильяни, один только маленький рисунокчик на всю Россию. А тут — чудный портрет, относительно недорогой, 600 тысяч долларов. Я привезла в

Запретный ген

— Есть ли у вас своя коллекция?

— Нет, и это вопрос принципиальный. Юридически этого никто не может запретить. Но... Однажды мы шли по Лувру, и один из работников, поковырявшись на другого хранителя, процедил: «У него есть своя коллекция!» Это почти криминал. Не надо будить коллекционерские инстинкты, не надо запускать этот ген в кровь.

Но у меня есть хорошие вещи. Мне дарил Тышлер, мне дарил Краснопецев. Мне дарил чудный художник Бехтев. График, его почти забыли. Кстати, первый огромный вытек, чуть не с выговором, я получила за выставку Бехтеева в 1962 году... У меня есть несколько американских художников. Есть хорошая литография Шагала — мне подарил ее Ида Марковна Шагал. Мне дарил свои работы Мессерер. Есть маленькая вещь Натальи Гончаровой. Ее мне подарил жена Ларионова в Париже.

— А кто-нибудь писал ваш собственный портрет?

— Да. У меня есть, например, забавный такой портрет Лабаса.

С Рихтером не расставайтесь

— Думали ли вы, когда двадцать лет назад начинали фестиваль «Декабрьские вечера», что они превратят музей в подлинный храм искусства?

— Скажу так: я с самого начала не сомневалась в высоте замысла. Ведь фестиваль Рихтера в Туре к тому времени шел уже почти 12 лет. Значит, Рихтер был способен на такие длительные проекты.

Понимаете, критикам все быстро надоедает. Мне приходилось читать: «Ну что там, на «Декабрьских вечерах»? Висят картины, ипрот музыка...» Да, вам скучно, господа. Но не каждый человек видит и слышит. Мы предлагаем — а дальше как хотите. Помните, Раневская говорила про «Сикстинскую мадонну»: «Она сама выбирает на кого производить впечатление». Так же и тут.

Очень конкретный вопрос: где стоит роль, который подарил Рихтер, и при каких обстоятельствах он вам его подарил?

— Стоит в Итальянском дворике. Подарил он нам его из хороших чувств. Это «Ямаха». Но подарил потому, что она не могла быть поднята на 16-й этаж его дома. Эту «Ямаху» ему, в свою очередь, подарила Япония, но роль не прошел, хотя пробовали даже через окна и по-всякому.

«Три сестры» для фанатки

— Вы действительно ужасная театралка?

— Невероятная.

— Наверняка хотели стать актрисой?

— В какой-то момент да. Но сначала цирковой акробаткой. Я была очень спортивна. Работала на высоких брусьях, плавала... Как говорил мой тренер: «У тебя идиет спина». Правда! Я хотела работать в цирке танцовщицей на лошади. А потом актрисой. Но

однажды я своей подруге Наташе Саакянц, которая поступила работать в Театр сатиры, прочла Зарему из «Бахчисарайского фонтана». И она на меня так посмотрела!.. Я сразу все поняла.

Да, была страсть к Художественному театру — тому, до реформенному. Я смотрела все, что там шло, помногу раз. Все спектакли («У врат царства» с Казановым — он играл примерно раз в месяц, и все просто обмарили. Бабанову смотрела в Театре Революции. Коонен в Камерном в поздних спектаклях — «Мадам Бовари», «Адриенна Лекуверер». Очень много видела в Малом. Я пересмотрела там всех «старух» — Турчанинову обожала, Рязкову, Пашенную. Очень любила в Художественном Хмелева, Кторову. Один раз видела Кинпер-Чехову в юбилейном спектакле «Вильшевова саля».

Была на премьере «Трех сестер» в постановке Немировича. Это был потрясающий спектакль. Я сидела, как всегда, на галерке. А когда все кончилось и публика стала уходить, мы спустились вниз и подошли прямо к рампе. Вышел Немирович и, увидев, что перед ним столпились молодые люди, протянул к нам руки и сказал: «Вы знаете, что этот спектакль был раньше. А вот мы его поставили для вас!» И я стою и думаю: «Для меня!» Потом я шла и все повторяла с этим его жестом: «Для вас!»

Ходила в Большой, видела много балетов, опер меньше. Я была на первом исполнении Улановой «Ромео и Джульетта», когда она еще приехала из Мариинки. Хорошо помню, что в тот раз поменялась с кем-то билетами. Отдала билет в Малый на «Уриэля Акоста» Остужевым, который я уже много раз видела, а получила на Уланову. В газетках писали о знаменитой балерине, очень хотелось посмотреть. Сидела на четвертом ярусе, жуткое дело.

В какой-то момент стала бывать в «Современнике», как и все, на Таганке. У Любимова были интересные спектакли. Особенно «Деревянные кони». А в какой-то момент совсем потеряла интерес к театру. Пошла один раз, пошла второй — и ничего!

А кто сегодня гений

— Что произвело впечатление из современных спектаклей?

— Я много интересного посмотрела в «Табакерке». Но не могу сказать, чтобы испытала потрясение. Почти везде посмотрела Женю Миронова — ходила на него абсолютно специально. Может, это смешно звучит, даже не решаюсь сказать... По-моему, это гениальный артист, о котором через 20 лет будут говорить как о Михаиле Чехове.

Я видела в ряде спектаклей потрясающую Чурикову. И видела Чурикову, которую я не принимаю, но «виновата» в этом не она. Чурикова — великая актриса. Как она играет Вассу в фильме по Горькому!

Мне всегда нравилась Демидова. А из современных режиссеров мне наиболее интересен все-таки Фоменко.

В Большом пахнуло сороковыми

— У вас есть личное отношение к ситуации в Большом театре?

— Конечно. Васильев пять лет назад получил тяжелое наследство. И, надо отдать должное, ему удалось вступить в репертуар интересные спектакли. Например, я с удовольствием слушала оперу «Опричнина», и не разде-

ляю мнения о ней критиков. И в балете начались перемены, которые мне нравились. «Дочь фараона» в постановке Лакотта — спектакль-праздник. Такие балеты не снимают! Когда я об этом узнала, на меня пахнуло такими сороковыми! Пришел, не посмотрел, снял. Мне стало не по себе. Поскольку я человек того времени, во мне еще живет чувство страха. Это у нас в крови, у тех, кто читал постановления о Зощенко и Ахматовой. За что? Музыка Пуни не нравится? Виолетта Бовт в Театре Станиславского много лет танцевала «Эсмеральду» Пуни. Снять из-за композитора спектакль, на который ходили, — это из старых времен, я на этом настаиваю, это отрубание головы, это даже более возмутительно, чем снятие Васильева.

Уж лучше Петров-Водкин

— А нет у вас ощущения, что сейчас не только в этом возвращаются старые времена?

— Нет. Думаю, такое мнение немножко педантируется. Мне, например, нравится красный флаг. Вот недавно по всему миру прошла выставка «Красный цвет в русском искусстве»: от новгородской иконы до Петрова-Водкина. Красного флага нет ни у кого. Китайцы взяли уже после нас. Подьежаешь к Организации Объединенных Наций — попробуй отпихи, где российский флаг. Никогда не отыщешь — все в полосочку, в клеточку. А красный вычисляешь сразу. Это очень красивый цвет.

Я, например, не стесняюсь красного флага, но стесняюсь двуглавого орла. А в серпе и молоте нет ничего зорного. Может, устарели эти символы. Ну, возмимте петрово-водкинского «Красного коня». Есть же («Сориги Поселенский», Глинка мне, вилсичу, нравится). Но мне не нравится вся эта возня. А недавно я узнала, что, когда организаторы ООН, в качестве гимна хотели взять «Нас утро встречает прохладой» Шостаковича. Причем это предложили не мы, а иностранцы.

Знак свыше

— Заботится ли музей о могиле основателя, Ивана Владимировича Цветаева?

— Конечно, оно просто на нашем попечении. Знаете, на меня когда-то произвело впечатление то, что Марина Цветаева, приехав в Москву из эмиграции, жила на Покровском бульваре в доме 14/5. Я просто вдрогнула, когда прочла это у Анастасии Ивановны Цветаевой. Это мой дом, я в нем прожила почти всю жизнь! И, может быть, с Муром я даже играла во дворе, понимаете? Меня это так поразило, что я об этом сказала Анастасии Ивановне. И она отетила мне: «Это был ваш знак свыше», — имея в виду, что я работаю в музее ее отца.

Кино и чтиво

— Чего вам не хватает в газетках?

— Хотелось бы больше обзорных материалов. Надо время от времени делать отход и писать обзоры. Это уже хоть какой-то портрет времени.

— Кино для вас существует?

— Кино очень люблю. Самым сильным впечатлением молодости по-прежнему остается «Большой валс». Видео, правда, почти не смотрю. Но много раз смотрела «Смерть в Венеции».

— А литература?

— Сейчас больше люблю перечитывать. В настоящий момент, например, «В поисках утраченного времени» Пруста. Хотя недавно вот прочла Пелевина.

Терпеть еще лет десять

— Ирина Александровна, вы не были замечены в новых галереях.

— Я, как правило, на вернисажи не хожу никогда. У меня есть два дня, суббота и воскресенье, я сажусь на свою машину и объезжаю музеи и галереи. Я обязательно смотрю новое. А обстановка вернисажей мне мешает.

— Как относитесь к молодежной, альтернативной культуре, к ее экстремальным проявлениям?

— Так получилось, что я в своей жизни очень много видела авангардного искусства в мире. И у меня выработалось четкое отращение к формам, работающим на физиологическом уровне. Это такая импотенция, возведенная в кубическую степень.

Есть хорошие талантливые художники, но мне их жалко. Они попали в неудачное время для пластических искусств. Время телевидения и перехода к Интернету. Это сломало мозги.

Безумно обесценено понятие подлинника. Да, может быть карманный «Давид» Микеланджело. Но ведь важны именно его пять с половиной метров!

Каждый день я подхожу к Вермеру на выставке «Зримая музыка». Абсолютно неисчерпаемая картина. Через нее со мной говорит Искусство. Если я не нахожу опорных точек в современном искусстве — это не вина, а беда художников. Но я уверена: сейчас что-то перемелется — и в 10-е годы начнут возникать новые, цельные вещи.

Записали Наталья ЗИМЯНИНА, Сергей СОЛОВЬЕВ